

ОДИССЕЙ

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

ОДИССЕЙ 2023 №2

История науки

В этом номере:

Создавая автобиографию

Историк и изображения

Образ «Другого»

История как игра метафор

2023 №2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ОДИССЕЙ
Человек в истории

История науки

2023

Москва
ИВИ РАН 2023

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году
А. Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
Н.А. БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь; отв. ред.), О.Е. КОШЕЛЁВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.), О.В. ОКУНЕВА,
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Н. ЗЕМОН ДЭВИС, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук К.Ю. ЕРУСАЛИМСКИЙ
кандидат исторических наук К.С. ХУДИН

О-42 **Одиссей. Человек в истории** / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989–.
ISSN 1607-6184

2023. №2 (31): История науки / [гл. ред. А.О. Чубарьян ; отв. ред. А.Б. Герштейн]. – М.: ИВИ РАН, 2023. №2 (31). – 469 с.

В очередном выпуске «Одиссея» читатель увидит новые аспекты проблематики традиционных рубрик издания. В статьях подзаголовка «Святой и общество» феномен святости и связанные с ним религиозные практики рассматриваются как один из важнейших источников знаний о ментальности, поведенческих моделях и системе социально-политических представлений общества и отдельных социальных групп, для которых святой становится значимым символом идентичности. «Образ Другого» - тема, поднимающая вопросы коллективной идентичности и особенностей духовной культуры, раскрывается на материале «Штирийской таблицы народов» (XVIII в.).

В этом номере появились и новые рубрики, в которых рассматриваются приёмы конструирования автобиографии интеллектуалом X в. и особенности антикварного метода при составлении «Обозрений земного круга» в раннее Новое время.

Традиционный раздел рецензий представлен обзорами книги о визуальных интерпретациях дантовских образов, а также мультидисциплинарного издания, проливающего свет на ещё не достаточно изученную историю зарождения ботаники в России времени Петра I.

© Коллектив авторов, 2023

© Герштейн А.Б., отв. ред. выпуска, 2023

© Институт всеобщей истории РАН, 2023

Оглавление

СОЗДАВАЯ АВТОБИОГРАФИЮ

- Антаподосис Лиутпранда, или Как устроиться на службу при саксонском дворе в X веке.....9
Брахман А.А.

СВЯТОЙ И ОБЩЕСТВО

- «Терпение, с которым надлежит присваивать реликвии»: О некоторых сюжетах в истории культа св. Цезария Арелатского.....37
Омельченко Д.М.

- «А дача его образы, и книги, и милостынные денги... - а имянно всего не исписать»: объем и динамика денежных вкладов Ивана Грозного в монастыри.....69
Шокарев С.Ю.

- Гробница святого в пространстве русского храма XVII века.....134
Мельник А.Г.

- Быт шиитских паломников в Наджафе и Кербеле в XIX в.....163
Евстратов А.Г.

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

- Антихрист в Вифлееме? От Ван дер Вейдена к Босху.....183
Майзульс М.Р.

ОБРАЗ «ДРУГОГО»

- «Таблица народов» в контексте культурных стереотипов о русских и немцах раннего Нового времени.....241
Келлер А.В.

ИСТОРИЯ КАК ИГРА МЕТАФОР

Политическое тело, микрокосм и зодиакальный человек: метафора тела в английском и французском религиозно-философском и политическом дискурсе XIV–XV вв. 267

Бычков П. С.

SCRIPT / ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В НОВОЕ ВРЕМЯ

«Искусство слова»: Протестанты в официальном дискурсе французской монархии XVII–XVIII вв. 297

Пименова Л. А.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Отражение антикварного метода «ветхого любопытника» Уильяма Кемдена в церковно-славянском переводе «Британии» 319

Болдырева Н. А.

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

«Как жил, кого любил, кому руки не подал»: К вопросу об этических оценках поведения студентов исторического факультета МГУ начала 40-х годов XX века 343

Левинсон К. А.

ПУБЛИКАЦИИ

«Святая земля». Глава из «Атласа, или Космографических размышлений о сотворении мира и форме сотворённого» Меркатора-Хондия. 381

Герштейн А. Б.

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

«Божественная Комедия» сквозь призму визуальных образов. 403

Лучицкая С. И.

Соцветие наук для изучения исторического гербария 409

Ожунева О. В.

IN MEMORIAM

Памяти Найджела Палмера 419

Ганина Н. А.

Женщина в истории. Памяти Натали Земон Дэвис.....	428
<i>Уваров П.Ю.</i>	
Памяти Эммануэля Ле Руа Ладюри	446
<i>Яцук С.А.</i>	

ОБ АВТОРАХ**ABSTRACTS**

Contents

CONSTRICTING AN AUTOBIOGRAPHY

<i>Antapodosis</i> by Liutpraud of Cremona, or How to Get a Job at the Saxon Court in the 10 th Century <i>Brakhman A.A.</i>	9
--	---

THE SAINT AND SOCIETY

«The Patience with which Relics Should Be Appropriated»: About Some Stories in the History of the Cult of St. Caesarius of Arles <i>Omelchenko D.M.</i>	37
«His Donations are Icons, Books, and Money... and Everything Cannot Be Enumerated»: the Volume and Dynamics of Ivan the Terrible's Monetary Donations to Monasteries <i>Shokarev S.Yu.</i>	69
A Tomb of a Saint in the Space of a Russian Temple of the 17 th Century <i>Melnik A.G.</i>	134
Life of Shi'I Pilgrims in Najaf and Karbala in the 19 th Century <i>Evstratov A.G.</i>	163

HISTORIAN AND THE IMAGE

Antichrist in Bethlehem? From van der Veiden to Bosch <i>Maizuls M.R.</i>	183
--	-----

IMAGE OF THE "OTHER"

The Table of Nations in the Context of Cultural Stereotypes about Russians and Germans of the 17th — 19th Centuries

Keller A.V......241

HISTORY AS A PLAY ON METAPHORS

Body Politic, Microcosmos and Zodiac Man: Body Metaphors in English and French Religio-Philosophical and Potilical Discourse of the 14th — 15th Centuries

Bychkov P.S......267

SCRIPT / ORALIA: THE WRITT EN AND THE ORAL TRADITION IN THE EARLY MODERN TIME

«Art of the Word»: Protestants in the Official Discourse of the French Monarchy of the 17th — 18th Centuries

Pimenova L.A......297

HISTORY OF SCIENCE

Reflection of the Antiquarian Method of «Old Curious Person» William Camden in the Church Slavonic Translation of «Britannia»

Boldyreva N.A......319

HISTORIAN AND TIME

«How Lived, Whom Loved, Whom Didn't Shake a Hand with»: on the Question of Ethical Assessments of Students' Behavior on the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University in the Early 1940es

Levinson K.A......343

PUBLICATIONS

The Chapter «Holy Land» in the <i>Atlas, or Cosmographic Meditations upon the Structure of the Universe and the Form of the Created</i> by G. Mercator — J. Hondius <i>Gerstein A.B.</i>	381
---	-----

BOOK REVIEWS

The Dante's «Divine Comedy» with the Eyes of Visual Images <i>Luchitskaya S.I.</i>	403
«Florilegium Scientiarum» and the Study of Historical Herbarium <i>Okuneva O.V.</i>	409

IN MEMORIAM

Nigel F. Palmer <i>Ganina N.A.</i>	419
N. Zemon Davis <i>Uvarov P. Yu.</i>	428
E. Le Roy Ladurie <i>Yatsyk S.A.</i>	446

LIST OF THE AUTHORS

ABSTRACTS

Политическое тело, микрокосм и зодиакальный человек: метафора тела в английском и французском религиозно-философском и политическом дискурсе XIV–XV вв.

Бычков П. С.

DOI: 10.32608/1607-6184-2023-31-2-9

Аннотация: Метафора тела на протяжении Античности и Средних веков являлась крайне популярной формой воплощения идей единства и гармоничного сосуществования различных частей целого. Этот образ тесно переплетался и с мифологическими представлениями о Первочеловеке, и с концептуализацией социального единства, например, Церкви как мистического тела Христа. В свою очередь, идея неразрывного существования индивида, его тела и остального мира, выражавшаяся в образе микрокосма, прослеживается как в произведениях раннего Средневековья, так и в европейских религиозно-философских текстах XIV — XV вв. Учение об индивиде-микрососме находит своё отражение в гуморальной теории, связывавшей «соки» человеческого тела с четырьмя стихиями природы. Схожим образом идея микрокосма присутствовала и в астрологии: считалось, что на здоровье и душевные качества людей воздействовали небесные тела — визуализацией этих верований стал зодиакальный человек. Наконец, метафора политического тела наглядно демонстрировала единство разных сословий в едином теле государства, её можно считать одной из первых форм рефлексии о социуме и политике в XIV — XV вв.

Ключевые слова: политическое тело, микрокосм, зодиакальный человек, астрология, гуморы, Жан Жерсон, Николя Орем, Филипп

де Мезьер, Кристина де Пизан.

Один из трудно разрешимых вопросов истории состоит в том, как уловить, раскрыть, описать мировоззрение и способ мышления человека прошлого. Для того, чтобы проникнуть в мир представлений, образов, идей и символов, историки предлагали немало методов и подходов для анализа «ментального инструментария». Описывая и познавая окружающую действительность, человек прошлого прибегал к литературным тропам: язык источников был пронизан символизмом, а многие использовавшиеся авторами образы продолжали существовать на протяжении столетий и, по всей видимости, играли существенную роль в системе мировоззрений Античности и Средневековья. Одним из таких образов было человеческое тело, находившее свое воплощение имплицитно и эксплицитно в визуальных источниках, в развёрнутых метафорах и знаковых системах. Как образ тела приобрёл такое значение в средневековом дискурсе? Что тело могло символизировать в тех или иных ситуациях? Как менялось содержание этого образа?

Средневековая книжная культура склонна к систематизации окружающей действительности, что часто называют средневековым энциклопедизмом, а также стремилась охватить каждый элемент описываемой действительности одновременно, что в свою очередь получило название универсализма¹. В основе мировоззрения той эпохи лежит восприятие средневековыми авторами мира как неразрывного упорядоченного единства. Опираясь на античное философское наследие (неоплатонизм и аристотелизм) и христианскую традицию первых веков (патристику), средневековая теология выстраивает универсальные небесную и повторяющую её земную иерархии, в которых присутствуют центр (или наивысшая точка этой иерархии) и удаляющиеся от него ступени. В первую очередь, в этой связи приходят на ум идеи Псевдо-Дионисия Ареопагита об устройении духовного мира, а также столь любимая в Средние века модель сословного устройства общества. Однако универсализм идеи иерархического построения мира позволяет искать созависимость тех или иных представлений и репрезентаций в разных сферах деятельности индивида.

¹Подробнее об энциклопедизме, символизме и универсализме Средневековья см.: *Бицилли*. 1995: 11 — 94; *Карсавин*. 1913: 10 — 28; *Шишков*. 2016; *Гуревич*. 1972; *Воскобойников*. 2014; *Карсавин*. 1997.

Итак, средневековая модель мира имеет свой центр, краеугольный камень, являющийся одновременно и возвышенным идеалом для этого мира, т.е. Господь Бог, сочетающий в себе благо, мудрость, силу, гармонию и другие положительные качества. Отталкиваясь от такой наивысшей точки, средневековый мыслитель выстраивает «неоплатоническую лестницу», где он размещает всевозможные элементы действительности в порядке нисхождения: от божественного к греховному, от духовного к материальному и т.д. Закон иерархичности предельно универсален и вопреки расхожим убеждениям выстраивает отношения не только между социальными акторами, но и между Богом и человеком, человеком и животным миром, между ангелами, людьми и неживой материей. Блаженный Августин, автор программных для средневековой мысли сочинений, одним из первых в труде «О Граде Божьем» формулирует этот закон, повторяемый затем у его комментаторов Бонавентуры и Фомы Аквинского: «. . . живущее ставится выше неживущего, равно как и имеющее силу рождать и даже желать ставится выше того, что не имеет такого побуждения. И между живущими существами чувствующие ставятся выше нечувствующих, как животные, например, выше деревьев. И между чувствующими разумные ставятся выше неразумных, как люди, например, выше животных. И между разумными бессмертные ставятся выше смертных, как ангелы выше людей. Все это ставится одно выше другого в силу порядка природы»². С точки зрения такой логики мир устроен рационально, соразмерность, симметричность, иерархичность присущи всему пространству, на которое распространяется подобная система координат: «Так как всё сотворённое красиво и неким образом вызывает наслаждение, а красота и наслаждение не могут существовать без пропорции, пропорция же в первую очередь заключается в числах, то с необходимостью следует, что всё исполнено числами, а через это »число является главным образцом в душе Творца», а в вещах — главным следом, ведущим к мудрости. А так как этот след в высшей степени очевиден и близок Богу, то как бы через семь отдельных чисел он ведёт нас к Богу ближайшим путём и делает это так, чтобы Бог познавался во всех телесных и воспринимаемых чувствами вещах. . . »³.

² Блаженный Августин. XI. 16.

³ Бонавентура. 1993: 85 — 87.

Весь мир представлялся средневековому автору неким неразрывным единством: страны, народы, ордены и гильдии, природа, города и отдельные люди — все они были лишь частью огромного вселенского тела. Вселенское тело (макрокосм, метакосм, геокосм и пр.) — это мистическое тело Бога, охватывающее весь тварный мир, который, в свою очередь, объемлет христиан и язычников, людей и животных, одушевленную и неживую природу. Здесь всемирный образ Христа смыкается с представлением о том, что человек является микрокосмом (*microcosmos*), малой Вселенной, отражающей макрокосм (*macrocosmos*) мироздания, Вселенную (*universus mundus*), где содержится некая панкосмическая душа человечества (*anima mundi*)⁴. Сама идея микрокосма корнями уходит в античную натурфилософию досократиков — Гераклита, Эмпедокла и Анаксагора, которая была продолжена как раннехристианскими богословами, так и арабскими мистиками⁵. Большое влияние на средневековое понимание микрокосма оказал диалог Платона «Тимей», повествующий о сотворении человека, для создания которого исходным материалом послужили «частицы огня и земли, а также воды и воздуха» (42e). Более того, согласно Платону, человеческое тело было создано «подражая очертаниям Вселенной» (44d) и наоборот, «космос есть живое существо, наделённое душой и умом» (30b), что стало поводом для бесконечных аналогий между Вселенной (метакосмом или макрокосмом) и человеком (микрокосмом) у неоплатоников и средневековых авторов⁶.

В христианской традиции языческий пантеизм уже недопустим, но идея взаимосвязи космоса и тела индивида манифестируется в акте сотворения Богом первого человека, Адама, который не только является наиболее совершенным созданием Господа, но и средоточием всех богатств природы, как живого мира, так и растительного, как ангелов, так и неодушевленной материи. Папа римский Григорий Великий в «Моралиях на книгу Иова» (VI в.) пишет: «Человек, с другой стороны, может быть назван Вселенной, поскольку в себе он являет истинный образ и великое единство Вселенной. Ибо всё, что существует, или существует, но не живёт; или и существует, и живёт, но не чувствует; или существует, живёт и чувствует, но неразумно и не познает; или и существует, и живёт,

⁴См.: Saal. 1957: 58 — 72; Finckh. 1999.

⁵См.: Conger. 1922.

⁶См.: From Athens. 1992.

и чувствует, и размышляет, и познаёт»⁷. Выстраивается последовательная иерархия элементов мироздания, в которой недостаёт лишь последних частей в виде души и разума; человек же вбирает в себя все предыдущие составляющие мира, становясь микрокосмом, логически замыкающим цепь творений: «Ведь камни существуют, но не живут. Деревья существуют и к тому же живут, но не чувствуют. Ибо жизнь трав, а также деревьев растительной названа, подобно тому, как сказано у Павла о семенах: »Безрассудный! То, что ты сеешь, не оживёт, если не умрёт». Неразумные животные существуют, живут и чувствуют, однако же не понимают»⁸. Вершиной тварного мира являются существа, обладающие душой и разумом, т.е. ангелы и люди, из которых лишь последние имеют все элементы сотворённого мира, как материальные, так и нематериальные: «Ангелы же и существуют, и живут, и чувствуют, и разумно мыслят. Так и человек, который с камнями имеет то общее, что существует, с деревьями — то, что живёт, со зверями — то, что чувствует, с ангелами — то, что разумно мыслит, правильно называется Вселенной, ведь в нём в какой-то степени сама Вселенная содержится»⁹. Таким образом, Григорий Великий придаёт модели микрокосма новое христианское содержание, легализуя мифологические представления о теле Первочеловека, вбирающем в себя все элементы мироздания и являющимся одновременно космическим отражением каждого конкретного индивида, тело которого в свою очередь представляет собой собственную маленькую вселенную. Можно заметить, что такая модель микрокосма воспроизводит в миниатюре вселенскую иерархию, описанную Августином — иерархичность будет основной характеристикой образа тела в религиозно-философском и политическом дискурсе последующих веков.

⁷ «Universitatis autem nomine homo signatur, quia in ipso vera species, et magna communio universitatis ostenditur. Omne namque quod est, aut est, et non vivit; aut est, et vivit, sed nequaquam sentit; aut est, et vivit, et sentit, sed non intelligit, nec discernit; aut est, aut vivit, et sentit, et intelligit, discernit». *Gregorius I Magnus*. 1849: 740.

⁸ «Sunt namque lapides, nec tamen vivunt. Sunt arbusta, vivunt quidem, nec tamen sentiunt. Herbarum namque atque arborum vita viriditas vocatur, sicut per Paulum de seminibus dicitur: Insiptens, tu quod seminas, non vivificatur, nisi prius moriatur. Sunt bruta animalia, vivunt et sentiunt, nec tamen intelligunt». *Gregorius I Magnus*. 1849: 740.

⁹ «Sunt angeli, et vivunt, et sentiunt, et intelligendo discernunt. Homo itaque, quia habet commune esse cum lapidibus, vivere cum arboribus, sentire cum animalibus, discernere cum angelis, recte nomine universitatis exprimitur, in quo iuxta aliquid ipsa universitas tenetur». *Gregorius I Magnus*. 1849: 740.

Идея тождественности человеческого тела и Вселенной не утратила своей притягательности в IX — XII вв.¹⁰ «В древнескандинавской поэзии многократно встречается уподобление частей человеческого тела явлениям неживой природы и наоборот: органический и неорганический мир обозначался через элементы человеческого тела. Голову называли «небом», пальцы — «ветвями», воду — «кровью земли», камни и скалы — «костями», траву и лес — «волосами земли». Прежде чем стать условными метафорами, эти уподобления отражали такое понимание мира, при котором отсутствовала чёткая противоположность между человеческим телом и остальным миром и переходы от одного к другому представлялись текучими и неопределёнными»¹¹. Подобные воззрения на природу присутствовали не только в качестве поэтических тропов, но зачастую воплощались у индоевропейцев в образе конкретных мифологических персонажей, олицетворявших Вселенную или становившихся тем материалом, из которого эта Вселенная создавалась демиургами. В «Пуруша-сукте» «Ригведы» (приблизительно VI — IV вв. до н.э.) излагается индоевропейский космогонический миф о Первочеловеке, из тела которого возникает Вселенная. Согласно этому тексту, Пуруша, — антропоморфное существо, предшествовавшее всему миру, — «со всех сторон покрывал землю», в то же время не являясь неким хтоническим чудовищем, но имел голову, глаза, руки, бёдра, ноги и т.д. Будучи явным символическим выражением макрокосма, он соединял в себе противоборствующие начала — культуру и природу, которые когда-то ещё не были разделены: «Пуруша — это вселенная, / Которая была и которая будет»¹². Тем не менее именно из ритуального убийства Первочеловека, напоминающего обряд жертвоприношения животных в дар богам у народов Евразии, согласно Ригведе, возникает социум и кастовое деление у индоариев: «Когда Пурушу расчленили, / На сколько частей разделили его? / <...> Его рот стал брахманом, / [Его] руки сделались раджанья, / [То,] что бедра его, — это вайшья, / Из ног родился шудра»¹³. Голова и рот Пуруши дают начало касте жрецов, руки становятся кшатриями (воинами), а бёдра и ноги — ремесленниками и крестьянами, создавая извечный, божественно установленный социальный порядок. Это трёхчастное деление соответствует соци-

¹⁰См.: *Struve*. 2004: 12 — 29.

¹¹ *Гуревич*. 1972: 41.

¹²Ригведа. 1999: 235.

¹³Ригведа. 1999: 236.

альной стратификации многих индоевропейских народов с глубокой древности, она же отчасти сохранится и в средневековых представлениях о трёх сословиях¹⁴. Органологическая метафора, которая изображает власть и священство в виде головы тела, воинов — в виде рук, ремесленников и чиновников — в образе живота и бёдер, а крестьянству отводит роль ног и ступней, присутствует в «Нилантовом Ромуле» IX в., в «Поликратике» Иоанна Солсберийского (1159 г.)¹⁵, в «королевских зеркалах» XIV в., у Николя Орема и Жана Жерсона¹⁶ и др. с тем, чтобы снова обосновать (на этот раз уже не религиозно, но рационально) справедливость существующего мироустройства и необходимость следования определённым социальным ролям.

В германо-скандинавской мифологической традиции в роли Первочеловека-макрокосма выступал йотун Имир (*Tuisco/Twisto* у Тацита)¹⁷, упоминаемый в «Речах Вафтруднира»: «Имира плоть / Стала землёй, / Стали кости горами, / Небом стал череп / Холодного турса, / А кровь его морем»¹⁸. Похожим образом описано в Ригведе творение мира богами из тела Пуруши: «Луна из [его] духа рождена, / Из глаза солнце родилось <... > / Из дыхания родился ветер. / <... > Из головы развилось небо, / Из ног — земля, стороны света — из уха. / Так они устроили миры»¹⁹. Этимологически само слово «Ymir» в германских языках могло означать как близнецов (близнечные мифы как часть космогонии присутствуют в ведической — Яма и Ями, в греческой — братья Диоскуры, римской — Ромул и Рем, традициях), так и двуполое существо²⁰. Похожее восприятие человека как панкосмического, неразделённого организма присутствовало и в позднеантичной манихейско-гностической и неоплатонической философии в образе двуполого Антропоса или Протоантропоса (*anthropos teleios*, «целостный человек»; у гностика Валентина эту роль выполняет первоэон Праотец), который получит новую интерпретацию в более поздних христианских ересях

¹⁴См.: Дюмезиль. 1986; Элиаде. 2001: 178 — 181; Дроби. 2000.

¹⁵См.: Бычков. 2021а.

¹⁶См.: Бычков. 2023: 200 — 231.

¹⁷Корнелий Тацит. 2.

¹⁸Беовульф. 1975: 206.

¹⁹Ригведа. 1999: 236.

²⁰Подробнее см.: Мелетинский. 1980: 510. О близнечных мифах в скандинаво-германской и кельтской традициях подробнее см.: O'Brien. 1982: 117 — 136; Ward. 1968.

и, предположительно, продолжит своё существование в алхимическом Гермафродите-Андрогине²¹. Присутствие подобного образа в поэзии и литературе, не связанной с религиозной культурой, позволило предположить М.М. Бахтину наличие в произведениях народной культуры образа гротескного тела: «... тело это поглощает мир и само поглощается миром <...> перерастает себя, выходит за собственные пределы <...> ... гротескное тело космично и универсально, в нём подчёркиваются общие для всего космоса стихии — земля, вода, огонь, воздух; оно непосредственно связано с солнцем, со звёздами; в нём — знаки зодиака; оно отражает в себе космическую иерархию; это тело может сливаться с различными явлениями природы — горами, реками, морями, островами и материками; оно может заполнить собою мир»²².

Несмотря на то, что со временем древних хтонических существ вроде Пуруши и Имира заменит библейский Адам, в христианских апокрифах и поэтической традиции космогоническая метафорика останется практически идентичной языческой. Тропы о творении мира из плоти Первочеловека будут передаваться в полной сохранности вплоть до связки между конкретными частями тела и создаваемыми из них элементами мироздания. В XII в. Гонорий Августодунский в своём энциклопедически-дидактическом сочинении «Светильник» (*Elucidarium*) пишет о том, что Адам был сотворён из четырёх элементов, «а посему его называют микрокосмосом, то есть уменьшенным миром. В самом деле, он составлен из земли (плоть), воды (кровь), воздуха (дыхание) и огня (теплота)»²³. Античный и средневековый образ микрокосма помимо иерархичности имеет свойство быть четырёхчастным, образуя благодаря своим составляющим идеально симметричное тело, «человека квадратного» (*homo quadratus*)²⁴. Отталкиваясь от четырёх основных стихий и образуемых ими тетраэдров, описанных в «Тимее» Платона, сред-

²¹Об Антропосе или Адаманте пишет *Иринея*. I. XXIX. 3, XXX. 1; также о связи Антропоса и Адама Кадмона см.: *Quispel*. 1953: XXII. 195 — 234. О Гермафродите см.: *Nederman*. 1996: 497 — 517. Изображения Гермафродита, относящиеся к рассматриваемому периоду, присутствуют в немецкой «Книге Святой Троицы» (*Buch der Heiligen Dreifaltigkeit*), подробнее см.: *Aurnhammer*. 1986: 179 — 200.

²²*Бахтин*. 1990: 351 — 353.

²³Цит. по: *Ле Гофф*. 1992: 130 — 131.

²⁴Подробнее об определении человека и его тела через пропорции в Средние века, см.: *Эжо*. 2014: 63 — 86; *Эжо*. 2005: 72 — 81.

невековые авторы уделяют четвёрке много внимания. Числа играют немаловажную роль для того, чтобы акцентировать идеи гармонии, иерархичности и симметрии Вселенной, как это было описано у Бонавентуры, а число четыре становится не менее священным, чем один, три или семь, тому есть множество примеров — четыре стороны света; четыре Евангелия; четыре мировые реки, берущие начало в Эдеме; четыре добродетели души; четыре первопричины бытия по Аристотелю (форма, материя, цель, перводвижитель); четыре составляющих розы ветров; четыре времени года; четыре фазы луны.

В Адаме до сотворения Евы и до грехопадения, согласно мнению Отцов Церкви, нераздельно сосуществует мужское и женское, природное и человеческое: «Таким образом и при Адаме мужское семя осталось у него, всё же женское семя, омужествлённое им, сделалось Евой, от которой [ведут начало] женщины, как от того мужчины»²⁵. Григорий Нисский называет человека «образом и подобием мира»²⁶ и пишет о том, что Адам был не просто конкретным человеком, но некоей универсалией, человеческим родом в целом: «имя сотворённому человеку даётся не как какому-либо одному, но как вообще роду. Поэтому общим названием естества приводимся к такому предположению, что Божественным предведением и могуществом в первом устройении объёмлется всё человечество»²⁷. Таким образом, первобытный Адам до разделения его на мужское и женское содержит в себе многообразие мира, а именно четыре природных элемента как они воспринимались пифагорейской и неоплатонической, а затем алхимической и средневековой натурфилософской традициями. В процессе эволюции этого образа возникает термин «микрокосм», однако, не теряющий своей связи с Протоантропосом, Андрогином или Первочеловеком (так, у Филона Александрийского «небесный Адам», Адам Кадмон называется Логосом Вечного)²⁸.

Взаимоотражающаяся микро- и макроскопическая структура мира будет сохранять свою важную роль в христианском мировоззрении средневековых авторов и на протяжении XIII — XIV вв.,

²⁵ *Климент Александрийский*. 21.

²⁶ *Григорий Нисский*. 1861: 136.

²⁷ *Григорий Нисский*. 1861: 143 — 144.

²⁸ См.: *Филон Александрийский*. XI.

хотя корни этих аналогий кроются в иных дохристианских религиях (многим из которых был свойственен дуализм) и эллинистических философских системах. Многократно переводимая и цитируемая средневековыми алхимиками *Tabula Smaragdina* (Изумрудная Скрижаль), появившаяся предположительно в первые века н.э. в Египте, говорит о том, что мир материальный, тварный является лишь подобием мира духовного, небесного: «То, что внизу, подобно тому, что вверху; а то, что вверху, подобно тому, что внизу»²⁹. Несомненное влияние на христианскую традицию интерпретации Адама как Первочеловека оказала религиозная традиция иудаизма, в которой и родился один из синонимов микрокосма — Адам Кадмон. Как замечает В.Н. Топоров, «в раввинской литературе Адам изображается как Первочеловек огромных размеров: в момент сотворения его тело простиралось от земли до неба, заполняя собою всю землю с севера до юга, с запада до востока. Увидев, что ангелы испугались Адама, Бог уменьшил размеры его тела. Адам светоносен: пята его затмевает солнечный диск. . . »³⁰. Адам Кадмон, «человек первоначальный» каббалистов, становится уже некоей идеальной человеческой сущностью, макрокосмической, почти трансцендентной, безгрешной и объемлющей всю Вселенную³¹.

Интересной антитезой микрокосма является его обратная сторона, а именно мета- или макрокосм — метафора, в которой Вселенная выступает телом, а Бог уподобляется душе, приводящей этот мир в движение (*anima mundi*). Подобную картину мира одним из первых обрисовывает в труде «О Граде Божьем» Августин, рассуждая о том, откуда происходит всякая жизнь на земле: «Бог есть душа мира, а мир представляет собой тело этой души, так что получается одно живое существо, состоящее из тела и души; и что если этот Бог, как бы в некоем своем естественном лоне, содержит в себе всё, так что из Его души, оживляющей всю эту громаду, проистекают и жизнь, и душа всего живущего по роду каждого рождающегося, то не остаётся решительно ничего, что не было бы частью Бога»³². Макрокосм зачастую визуализируется как мисти-

²⁹ Цит по: *Рабинович*. Алхимия. 2012: 421. Переводы «Изумрудной скрижали» известны европейским авторам с XII — XIII вв., о переводах XIV — XV вв. см.: *Ruska*. 1926.

³⁰ *Топоров*. 1982: 300.

³¹ Об Адаме Кадмоне см.: *Franck*. 1843: 228 — 259; *Франк-Каменецкий*. 1938: 458 — 476.

³² *Блаженный Августин*. IV. XII.

ческое тело Христа (1Кор. 12:12 — 27; Еф. 5:23 — 30) или совокупность Божества и тварного мира, — это можно видеть на немецкой Эбсторфской карте мира конца XIII в. (Илл. 1).

Илл. 1: Эбсторфская карта. XIII в.

На ней весь мир, вкупе с окраинами ойкумены, изображён как тело Христа. Его глава лежит на востоке, который расположен сверху, там же — Эдемский сад, его мы идентифицируем по фигурам Адама и Евы, находящимся рядом с Древом Жизни и истоками Ганга, Нила, Тигра и Евфрата. Вместо сердца Христа — Иерусалим, центр мира, внутри которого можно разглядеть фигуру воскресшего Спасителя. Получается, что Христос объёмлет мир и одновременно присутствует в нём. Подобная визуализация сложного богословского концепта неразрывности Создателя и сотворённого им мира, в который пришёл Единородный Сын Господа, не являет-

ся исключением.

Эту же мысль за пару столетий до создания Эбсторфской карты в понятную и доступную форму облакает Пьер Абеляр в своём философском труде «Диалог между Философом, Иудеем и Христианином» (1140 г.): «... хотя Он [Христос] не находится ни в каком [определённом] месте, то есть не ограничен местоположением, Он, однако, находится повсюду, во всяком месте и вокруг всякого места, благодаря силе Его деятельной любви. Ведь ни в одном месте ничего не происходит иначе, как по Его устройению, и таким образом, все места присутствуют в Нём, либо Он в них...»³³. Безусловно, перед картографом не стояло задачи передать как можно точнее все известные на тот момент географические знания, важнее было символически изобразить неразрывность Создателя и созданного Богом мира. Поверхность *mapa mundi* покрыта не только изображениями растений и животных, но и фигурами людей, которые в определённых частях карты группируются, формируют собой общины, городские коммуны, а те в свою очередь становятся «органами» вселенского тела. Ступни Христа лежат на западе, ниже Европы, а ладони — на юге и севере, полуострова превращаются в ноги и руки, реки и моря — в вены *corpus mysticum Christi*. Метафора христианского мира как тела Христова сближается одновременно с народным образом «космического» человеческого тела — незавершённого, не отграниченного резко от окружающего мира и переливающегося в него, открытого в мир и вбирающего его в себя»³⁴ и с более умозрительными концептами *microcosmos* и *anima mundi*, бытующими в философии и высокой литературе.

Идея микрокосма и макрокосма находит своё отражение не только в текстах и визуальных источниках XII — XIII вв., но и в эпоху XIV — XV вв., в позднее Средневековье. Так, о первочеловечке рассказывает анонимная английская поэма XIV в. в 30 000 строк «Правитель мира» (*Cursor mundi*, 1330 г.), повествующая о земной жизни Христа через призму мировой истории, в которой пересказываются библейские сюжеты и апокрифы, приводятся молитвы и толкования церковных догматов³⁵.

³³ Абеляр. 1995: 389.

³⁴ Гуревич. 1972: 32.

³⁵ *Cursor Mundi* — анонимная религиозная поэма, созданная в Нортумбрии на среднеанглийском в первой трети XIV в. Сохранилось девять манускриптов

В ней описывается сотворение Адама: «Но не из глины одной он был сплавлен / Из четырёх элементов составлен: / Кровь — из воды, плоть — из земли, / Жар — из огня, дыхание — воздуха струи. / Глава его как шар кругла / И к небосводу тем близка. / На ней помещены и глаза два / Как в небе — солнце и луна»³⁶. Как и у Григория Великого, человек (а конкретнее — Адам, который выступает в данном случае и как Первочеловек) в приведённом отрывке является собой синтез всех известных форм сотворённой материи (четырёх первоэлементов). Кроме того, автор *Cursor mundi* уподобляет структуру его тела космическому устройству мира (можно заметить, насколько схож метафорический язык приведённого отрывка с языком «Старшей Эдды» или «Ригведы»). В сочинении начала XV в. *Definitiones terminorum ad theologiam moralis* (1415 г.) Жан Жерсон, рассуждая об устройстве мира, пишет: «Архетип мира — это Бог, поскольку из единственного и самого простого произведён внешний мир в каждой своей части, как духовной, так и телесной. <...>. Макрокосм — это большой мир, воспроизводящий архетип Мира-Бога и берущий начало в Нём, в котором содержится всякое творение, телесное и духовное, упорядоченное по божественному подобию и в Нём имеющее свой конец. Микрокосм — это малый мир, содержащий в себе две субстанции, соответственно телесную и духовную. . . »³⁷. Как можно видеть, идеи макрокосма (метакосма) и повторяющегося его многообразия индивида-микрокосма остаются характерным для поэтической традиции, а также находят своё выражение в трактатах клириков-интеллектуалов.

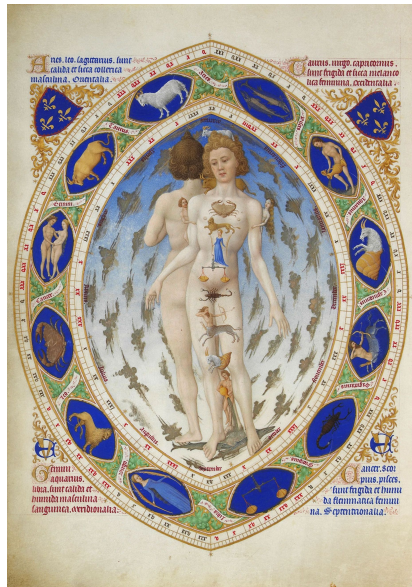
Ещё одно популярное визуальное воплощение близкого к микрокосму образа в XIV — XV вв. — это зодиакальный человек (*homo*

этого источника, полное описание всех рукописей см.: The Southern Version. 1978: 13 — 23.

³⁶ «of erpal-ane made was he noȝt. / bot of þe foure elementes wroȝt. / of water his blode his flesshe of laire / his hete of fire. his ande of ayre. / his heued ys rounded as a balle. / and squa ys þe firmament alle. / his heued wit-in. has eyen twyn. / þe lift has sunne and mone with-in». *Cursor mundi*. 1874: 517 — 524. (*Поэтический перевод мой — П.Б.*)

³⁷ «Mundus archetypus est Deus, ut ab ipso unico & simplicissimo producibilis est mundus exterior pro utraque sui parte, spirituali scilicet & corporali. <...> Macrocosmus, est major iste mundus exemplatus & productus a mundo archetypo Deo, continens in se universam creaturam, corporalem & spiritualem, ad ipsum Deum finaliter ordinatam. Microcosmus, est minor quidem mundus, continens in se duplicem substantiam, corporalem scilicet & spiritualem. . . ». *Gersonii*. 1728: 107.

signorum), человеческая фигура с изображёнными на теле двенадцатью знаками Зодиака. Согласно мелотезии, средневековому астрологическому учению, созвездия и планеты оказывали воздействия на те или иные части тела и органы, а изображения такого «зодиакального» или «целестильного» (*caelestis* — «небесный») человека должны были использоваться для оказания помощи больным³⁸. Самым известным изображением *homo signorum* является миниатюра братьев Лимбургов из «Великолепного часослова герцога Беррийского» (Илл. 2).

Илл. 2: «Зодиакальный» человек. Великолепный часослов герцога Беррийского. Музей Конде, Шантийи. XV в.

Зодиакальный человек предстаёт в виде прекрасного нагого юноши с золотистыми волосами, которого мы видим как в фас, так и со спины, с раскинутыми в стороны руками. С одной стороны, он является визуализацией микрокосма, подобно аналогичному более раннему изображению со страниц трактата «Путеведение, или

³⁸См.: Clark. 1982: 15 — 16.

Познание путей Господних» Хильдегарды Бингенской (XII в., Илл. 3).

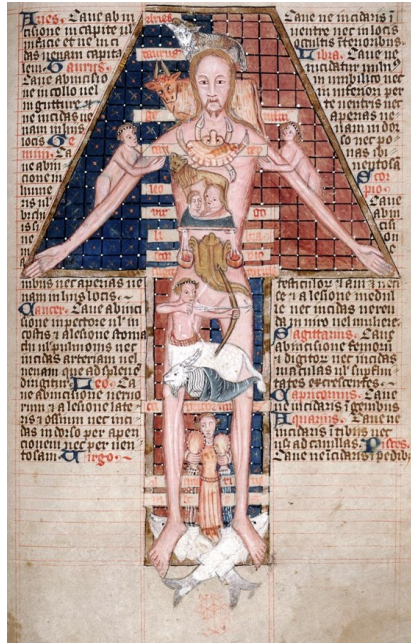

Илл. 3: Микрокосм. «Книга божественных трудов» Хильдегарды Бингенской. Городская библиотека Лукки. XIII в.

С другой стороны, этот образ отражает веру в то, что планеты, звёзды и прочие небесные тела напрямую воздействуют на человека, от них зависят его жизнь и здоровье. «Возвышаясь среди различных ликов мира, — пишет Мишель Фуко, — человек соотносится с небесным сводом, его лицо так относится к его телу, как лик небес к эфиру, биение пульса в его венах подобно круговращению светил по присущим им путям; семь отверстий на его лице соответствуют семи планетам неба»³⁹.

В силу очевидных коннотаций, связанных с небом, «целестильный» человек иногда, подобно образу макрокосма, несёт на себе отпечаток черт Христа, как, например, на миниатюре из английского календаря Николаса Линнского XIV в. (Илл. 4).

³⁹ Фуко. 1994: 59.

Илл. 4: «Зодиакальный» человек. Календарь Николааса Линнского. Оксфордская Бодлианская библиотека. XIV в.

Зодиакальный человек здесь изображён похожим на Христа, с теми чертами, которые стали каноничными в его визуальной репрезентации с IV — V вв. — длинные волосы, усы и борода, правильные гармоничные черты лица. Мы видим его анфас с широко разведёнными руками (практически крестообразно), в той же позе, что и на миниатюре из трактата Хильдегарды Бингенской и на многих других изображениях *homo signorum*. Сверху вниз на его теле располагаются фигуры, изображающие разные созвездия: Овен и Телец соотносятся с головой, Близнецы помещены возле рук, а Рак и Лев — на груди; Дева и Весы ассоциируются с чревом, Стрелец и Козерог — с бёдрами и ногами, а Водолей и Рыбы — с голениками и ступнями. Телесная символика несёт в себе то же содержание, что и на *mapa mundi*: зодиакальный человек с фигурами созвездий на своём теле является визуализацией космоса, и соответственно — тела вселенского, мистического тела Христа.

Свидетельством широкого распространения взглядов о том, что небесные тела воздействуют на индивида, является фраза, открывающая трактат Николая Орема «О наблюдении за звёздами» (*De Visione Stellarum*, ок. 1343 — 1351 гг.): «... один только человек поднимает свою голову к звёздам, с той целью, чтобы наблюдать вечные законы небесные, направление и ход светил, которые могут служить ориентиром в его собственной жизни»⁴⁰. Значение, которое придавали влиянию небесных светил на человеческую судьбу в придворных кругах XV в., столь велико, что Кристина де Пизан посвящает рассуждениям об астрологии почти половину главы в своём наставлении монарху под названием «Книга политического тела» («*Livre du corps de policie*», 1406 — 1407 гг.)⁴¹. Её отец состоял в должности придворного астролога при Карле V⁴², поэтому Кристина, стараясь защитить эту дисциплину от возможных нападков, утверждает, что мудрый правитель должен обращаться за советом к астрологу, и называет астрологию наукой «чистой, естественной и лишённой всякого колдовства и заклинаний»⁴³. Кристина де Пизан отмечает: хотя существует представление о фатальной зависимости судьбы человека от расположения звёзд, оно не всегда оправданно. Сам человек не подвержен влиянию планет и звёзд в своих поступках, т.к. человеческая душа свободна «в своих действиях», но относительно тела, — считает она, — «это действительно справедливо: в некоторых вещах человек подвластен с рождения действию небесных потоков»⁴⁴, к которым автор прибавляет четыре стихии.

Четыре стихийных первоэлемента в средневековой медицине соответствовали четырём гуморам, или жидкостям тела — крови, слизи, чёрной и жёлтой желчи, представления о них сформировались под влиянием сочинений Галена и Авиценны⁴⁵. Об этом, например, свидетельствует в «Беседе к антиохийскому народу о статуях» Иоанн Златоуст: «Тело наше, этот сокращённый и малый [мир],

⁴⁰ «... tollit homo suum solus ad astra caput, ut, celi leges indeflexosque meatus, exemplar vite possit habere sue». Nicole Oresme's *De visione stellarum*. 2007: 76. Об авторстве и датировке трактата см.: Nicole Oresme's *De visione stellarum*. 2007: 18 — 27.

⁴¹ См. также: *Tester*. 1987; *Weill-Parot*. 2002.

⁴² См.: *Willard*. 1980: 95 — 111.

⁴³ «... est pure, naturelle et sans mauvaise art ne invocassions quelconques...». *Christine de Pisan*. 1998: 42.

⁴⁴ «... bien est vray que en aucunes choses l'omme est subget par naissance es accions du cours du ciel». *Christine de Pisan*. 1998: 41.

⁴⁵ *Jouanna*. 2012: 335 — 359.

состоит из четырёх стихий: тёплой — именно крови, сухой — желчи желтоватой, влажной — слизи и холодной — желчи чёрной. <...> и, если одна нарушит согласие с целым, то от такого расстройтва происходит смерть: например, когда разольётся желчь, рождается горячка, и если она усилится через меру, то причиняет немедленную смерть. Опять, когда преобладает холодная стихия, происходят параличи, судороги, апоплексические удары и другие бесчисленные болезни. И вообще, всякого рода болезни происходят от избытка этих стихий, когда, то есть одна, перешедши за свои пределы, берёт перевес над другими и нарушает всякую соразмерность»⁴⁶. Каждому гумору, согласно Псевдо-Гиппократу, соответствовали некоторые свойства, из которых складывались темпераменты (сангвиник, холерик, меланхолик, флегматик)⁴⁷. Продолжая спорить с фатализмом, Кристина де Пизан всё же вынуждена признать: «Может быть правдой, что воздействие неба дарует человеку разнообразные наклонности»⁴⁸, но предопределённость судьбы человека, зависящую от расположения звёзд, можно побороть. В доказательство этому она приводит слова, якобы сказанные Птолемеем: «Мудрый превозмогает власть звёзд»⁴⁹.

Выше уже проводились иконографические параллели между изображениями Христа (в том числе и на *mapa mundi*) и визуализацией макрокосма или зодиакального человека. Можно заметить, как все перечисленные довольно разные по своему содержанию идеи воплощаются и буквально обретают «плоть» посредством метафоры тела. Для религиозного сознания позднесредневекового европейца все эти образы примиряются и соединяются в фигуре Христа. Он воплощает полноту тварного мира, олицетворяя микрокосм, Вселенную и человека одновременно, и уже раннехристианскими богословами была намечена связь между «ветхим» и «Новым Адамом». Образ такого идеального тела имплицитно присутствует во многих метафорических интерпретациях — можно без колебаний сказать, что перечисленные примеры в той или иной степени апеллируют к воскресшему телу Христа. Воскресение мёртвых, в противоположность несовершенству человеческих тел во время земной жиз-

⁴⁶ Иоанн Златоуст. X, 2.

⁴⁷ См.: Kalachanis, Michailidis. 2015: 1 — 5.

⁴⁸ «...qu'il puisse estre vray que l'accion du ciel donne a l'omme plusieurs inclinations». Christine de Pisan. 1998: 41.

⁴⁹ «Le saige dominera aux puissances des estoiles». Christine de Pisan. 1998: 41.

ни, обещало восстановить гармонию материи и духа. Будущие тела праведников, которые воскреснут во время Второго пришествия, представляются именно возвращением к совершенству и непорочности бытия в Эдеме.

Образ воскресшего тела был средоточием тех идеальных черт, к которому направлены устремления средневековой мысли. Мистическое тело Церкви⁵⁰ как совокупности верующих, Святые Дары, пресуществляющиеся в Кровь и Плоть Христовы, микрокосм и макрокосм, зодиакальный (целестиальный) человек, вселенское тело Христа — все эти образы возвращают нас к воскресшему и преображённому Христу (*Christus transfiguratus*) как телеологическому идеалу человеческой истории (Мф 17:2). Такое будущее ожидает праведных христиан, поэтому понятие *corpus Christi* проходит красной нитью через нарратив огромного количества источников разного жанра и символизирует путь человечества к единой цели — к Спасению. В воскресении мёртвых и обретении новых, более совершенных тел видит финал истории и Августин в «Граде Божьем»: «Итак, тела праведных, которые они получают при воскресении <...> не наживут никакой болезни или старости и не умрут...»⁵¹. Тело воскресшего Христа дарует человеческой плоти надежду на возвращение к утраченной после грехопадения гармонии, именно поэтому возникает аллюзия на Адама Кадмона, Первочеловека. Апостол Павел напрямую называет воскресшего Христа «новым вторым Адамом», обещая возвращение к идеалу всему человечеству: «Так и при воскресении мёртвых: сеется в тлении, восстаёт в нетлении; сеется в унижении, восстаёт в славе; сеется в немощи, восстаёт в силе; сеется тело душевное, восстаёт тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. Так и написано: первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть Дух животворящий. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное. Первый человек — из земли, перстный [т.е. земляной]; второй человек — Господь с неба» (1Кор. 15:42 — 47).

Помимо вышеперечисленных образов микрокосма и макрокосма, зодиакального человека и мистического тела Христа в период Ренессанса XII в. в философских сочинениях английских и французских авторов (например, у Бернарда Сильвестра и Иоанна Сол-

⁵⁰Подробнее об образе мистического тела Христа как Церкви см.: *Lubac*. 1949.

⁵¹*Блаженный Августин*. XIII. 22.

сберийского) появляется образ политического тела — тела королевства, тела общества⁵². Эта метафора становится крайне популярной в жанре «королевских зеркал», призванных наставлять европейских монархов в искусстве «доброго правления». Одно из таких сочинений неизвестного французского автора середины XIV в. «Совет королям» («l’Avis aus Roys») открывается утверждением, что король является главой в теле королевства, а остальные подданные выступают органами и конечностями этого тела⁵³. Адресат «Совета королям», как и автор, неизвестен, но существует гипотеза, что «зерцало» создано для Людовика I Анжуйского, брата Карла V (традиция адресовать произведения подобного жанра монархам или наследникам престола сохранится и в последующие века)⁵⁴.

В рукописи «Совета королям» середины XIV в. (Pierpont Morgan Library, MS M. 456, fol. 5r., Илл. 5) присутствует визуализация этой метафоры — одна из немногих, поскольку политическое тело нечасто получает визуальное воплощение в XIV — XV вв. На миниатюре изображено обнажённое, пропорциональное тело, с явными мужскими вторичными половыми признаками (например, с бородой), голову которого венчает корона, а другие части тела соотносены с социальными группами посредством подписей⁵⁵.

Илл. 5: Политическое тело. Совет королям. Библиотека Моргана, Нью-Йорк. XIV в.

⁵²См.: Бычков 2021b: 35 — 50.

⁵³Lepot. 2014: 13.

⁵⁴См.: Camille. 1993: 393 — 405.

⁵⁵См.: Lepot. 2014: 13; Sherman. 1995: 217.

На свитке, который начинается на уровне глаз и ушей, написано «сенешали, бальи и всяческие судьи» («seneschals baillis et tous iuges»), поскольку именно этих служителей короля автор ассоциирует с ушами и глазами; другая, расположенная вровень с грудью, гласит: «советники и мудрецы» («conseillers et saiges»), им автор отводит место сердца; левой рукой политическое тело сжимает скипетр, под правой расположилась надпись «рыцари» («chevaliers»), а у ног — «купцы» («marcheans»), т.е. голени политического тела, поскольку они «объезжают весь мир»⁵⁶, ступни же символизируют «земледельцев» («laboueurs de terres»), на которых опирается всё государство. Можно заметить, что это изображение XIV в. выполнено в соответствии с канонической иконографией уже знакомого нам зодиакального человека, только знаки Зодиака заменяются обозначениями тех или иных социальных групп.

Схожую интерпретацию метафоры политического тела можно найти и в произведении Филиппа де Мезьера (ок. 1327 — 1405). У этого автора была богатая биография: уроженец Пикардии, Мезьер отправился в неудачный крестовый поход 1345 г., в Малой Азии был посвящён в рыцари, какое-то время прожил на Кипре при дворе иерусалимского короля в изгнании. Он вынашивал планы реформирования рыцарского сословия по образцу войск арабов и объявления нового крестового похода, с проповедью которого объехал Италию и Францию. Поход на Александрию, начатый его покровителем Петром Кипрским, не увенчался успехом, и в 1370-х гг. Филипп де Мезьер оседает в Париже, интегрировавшись в круг интеллектуалов при дворе Карла V⁵⁷. Основным произведением, которое принесло Филиппу де Мезьеру определённую известность, стал «Сон старого пилигрима» («Le Songe du Vieil Pelerin»), написанный в 1386 — 1389 гг. и посвящённый молодому королю Карлу VI⁵⁸. Это сложное, многоплановое повествование, выстроенное в виде аллегорического путешествия и поднимающее темы крестовых походов и паломничеств, справедливости и правильного управления государством. Последнему посвящена третья часть книги, жанрово продолжающая каноны «королевских зеркал», поэтому в описании Франции во второй части своего произведения Филипп де Мезьер

⁵⁶ «li marchent qui courent par le monde ont l'office des gembes». *Lepot*. 2014: 13.

⁵⁷ См.: *Jorga*. 1896.

⁵⁸ О «Сне старого пилигрима» и «королевских зеркалах» см.: *Naegle*. 2010: 625 — 643.

не может обойтись без метафоры политического тела. Он пишет: «... представим себе Французское королевство в образе человека: головой этого человека будет король; шея, грудь и ключицы — царственные принцы и бароны королевства. Животом и кишками в этом теле будут казначеи и экононы, в качестве бёдер можно представить богатых горожан и купцов, которые своими торговыми делами поддерживают королевство. Голеньями представим ремесленников, а ступнями — трудящийся народ. К тому же, верх руки до плеча можно считать высшими офицерами и капитанами королевства, но той частью рук, которая ниже, вплоть до кистей, будет являться рыцарство, достопочтенные рыцари и эсквайры, которые защищают тело короля, которое есть королевство. И чтобы закончить эту фигуру, пальцы рук — это пажи и слуги, необходимые для королевской персоны»⁵⁹. Интересно то, что у рыцаря Филиппа де Мезьера единственная сословная категория, удостоенная подробной стратификации — это *bellatores*, «воюющие». Крестьянство не получает никакого дифференцированного описания, а купечество и горожане помещаются в одну группу, как и всё чиновничество, которое Мезьер сводит к «казначеям», выделяя им презренную в Средние века часть тела — чрево⁶⁰.

В этот период не только во Франции становится актуальной метафора политического тела, но и английские поэты XV в. также прибегают к ней, чтобы описать социальное устройство. Например, рассматриваемая метафора полностью структурирует поэму первой четверти XV в. «Описание частей тела человека» («The Descryvung of Mannes Membres»)⁶¹, предположительно созданную клириком, участвовавшим в политической деятельности английского парла-

⁵⁹ «... prenons l'omme pour le royaume de France; duquel homme la teste si est le roy, le coul et la poitrine et les aisselles sont les royaulx princes et barons du royaume. Le ventre et les entrailles sont les tresoriers et receveurs; les cuisses pevent estre prinse pour les groz bourgoiz et marchans, qui par leur marchandise soustiennent le royaume; et les gembes pour les gens de mestier, et les piez pour le peuple labourant. Encores, les bras dessus vers les espauls pevent estre pris pour les grans officiers et chevetaines du royaume, mais les braz dessoubz avecques le poing proprement sont la chevalerie et vaillans chevaliers et escuiers, qui deffendent le corps du roy, c'est le royaume. Et pour conclusion de la figure, les doys de la main sont les varlez et serviteurs necessaires pour la personne du roy». *Philippe de Mézières*. 1969: 572 — 573.

⁶⁰ *Ле Гофф, Трюон*. 2016: 156.

⁶¹ *The Descryvung of Mannes*. 1904: 64 — 69.

мента⁶². Неизвестный автор рисует образ индивида-микрокосма: человек вбирает в себя разные элементы мира, а функции его органов и частей тела сопоставляются с сословиями и социальными институтами. Начинается произведение с уже знакомого образа Первочеловека: «Из чего создано всё человечество? / Из семи вещей оно сшито: / Земля и вода, огонь и ветер, / Из этого тело было сковано: / Душа из трёх, чем ум владеет, / Из жизни, мысли и из чувств»⁶³. Помимо четырёх первоэлементов, душа человека составлена ещё из трёх частей, каждая из которых соотносится с конкретными органами: сердцем (источником жизни), мозгом и органами чувств. Подобное внимательное отношение к числам (в основном символическим — 3, 4 и 7) наблюдается на протяжении всей поэмы: конечно же, идею о том, что семёрка символизирует человека, автор почерпнул у Блаженного Августина, согласно которому тело состоит из четырёх стихий, а душу составляют сердце, дух и разум⁶⁴.

Далее автор переходит к характеристике отдельных органов и конечностей, начиная с главной части тела — головы. Её он ожидаемо сравнивает с королём, «владыкой и сувереном всего». Монарх управляет напрямую четырьмя «подданными» — «ртом и носом, и обоими глазами». Другие помощники главы-короля — это слух и воображение, возглавляющие совет («counseil»), которые служат мозгу («braun») ⁶⁵. Традиционно совет короля или суд (чаще всего судьи и советники вместе) сопоставлялись с сердцем, откуда, согласно ещё библейским преданиям, исходят наилучшие побуждения человека, но автор «Описания частей тела» очень строго следует вертикальной органологической модели и сравнивает шею человека с правосудием, что необычно — такой выбор мотивирован тем, что из гортани «исходят все слова мудрости». Сердце же, а точнее грудь, в поэме сопоставляется с духовенством, и в связи с этим автор вспоминает «сердечные» добродетели — нестяжательство, гостеприимство, благотворительность и т.д. Как и в произведении Мезьера, руки политического тела в поэме получают дотошную стра-

⁶²Об авторе см.: *Kail*. 1904: ix.

⁶³«Where-of is mad al mankynde? / Of seuene þynges, and it be souzt: / Erþe and water, fyre and wynde, / þerof is þe body wrouzt; / þe soule of þre, þat haþþe mynde, / Of lyf, felyng, and of þouzt». *The Descryvyng of Mannes*. 1904: 64.

⁶⁴См.: *Бычков В.В.* 1995: 394.

⁶⁵*The Descryvyng of Mannes*. 1904: 64.

тификацию, которая даже более подробна: плечи и спина сравниваются с лордами, руки (видимо от плеча до локтя) — с рыцарством, далее идут кисти-эсквайры и пальцы-йомены, «с кривыми луками и блещущими мечами»⁶⁶. У английского автора подобная внимательность к знати и воинам объясняется не только той огромной политической ролью, которую те имеют в парламенте, но и объективными различиями в социальном статусе: лорды, эсквайры и свободные крестьяне-йомены, функционально едины, но никак не могут быть объединены одним словом «рыцарство»⁶⁷.

Туловище и ноги выступают у автора «Описания частей тела» как образ городских жителей и крестьян, здесь также наблюдается определённая стратификация, социальное расслоение: рёбра сравниваются с «людьми закона», видимо речь идёт о легистах; бёдра — с торговцами; ноги он сопоставляет с ремесленным людом, а ступни — как и во всех других источниках — с земледельцами. Рёбра, «скрытые плотью и кожей в теле», являются законниками поскольку они «держат в гармонии (букв. любви) обе стороны» тела⁶⁸. Как и в французских «королевских зеркалах», купцы называются бёдрами именно по роду своей деятельности — «они несут на себе вес тела» и «в опасные странствия отправляются и отбывают»⁶⁹. Ноги имеют четырёхчастное деление: сверху — торгующие, ниже расположены «ремёсла, совершающиеся руками»⁷⁰, за ними идут земледельцы и замыкают этот ряд «слуги». Как и торговцы, ремесленники «поддерживают всё тело так же, как дерево держит ветви»⁷¹, а земледельцы сравниваются со ступнями поскольку они «падут и копают глину» и «весь мир на них стоит»⁷². Пальцы на ногах сопоставимы с «верными слугами, которые работают в засуху и в мокреть, испытывая жажду, голод и боль, в жару и в холод,

⁶⁶ «... þe fyngrs, to zemen þat byfore gon / Wiþ bent bowes and bryzt brondes». The Descryvyng of Mannes. 1904: 65.

⁶⁷ См.: *Штокмар*: 2005. 131 — 133.

⁶⁸ «To men of lawe is to alow, / þat kepes in loue boþe sydes». The Descryvyng of Mannes. 1904: 65.

⁶⁹ «I likne þe thies, flesch and bon, / þat beren þe body quantite, / To marchaundes, in perile ride and gon». The Descryvyng of Mannes. 1904: 66.

⁷⁰ «... all craftes þat worche wiþ hands». The Descryvyng of Mannes. 1904: 66.

⁷¹ «al þe body beren þay, / As a tre þat bereþ wandes». The Descryvyng of Mannes. 1904: 66.

⁷² «To alle trewe tylyers of landes, / þe plough, and all þat dygge in clay; / Alle þe world on hem standes». The Descryvyng of Mannes. 1904: 66.

под снегопадом и дождём», они редко едят мясо и не пьют вина⁷³. Несмотря на столь унижительное положение пальцев ног, автор замечает, что без них тело не может ни стоять, ни подняться во весь рост, ни бежать, ни прыгнуть, ни сражаться: мораль этого наблюдения состоит в том, что если «слуга господину не подчинится, то жизни слугу точно лишат. И господа, если они мудры, без слуги не живут»⁷⁴. В эпилоге поэмы вырисовывается образ политического тела, в котором все части взаимозависимы и не могут существовать по отдельности: кисти не могут быть без рук, пальцы — без кистей, наконец, голова не может находиться высоко без остального тела. Основная идея данной аналогии — необходимость совместного, коллективного мирного сосуществования в гармонии и взаимопомощи: «Пока все эти члены вместе существуют, / И тело тоже будет в добром здравии»⁷⁵. Подобный порядок задуман Богом, и тот, кто отказался от пороков, у кого все части тела находятся в гармоничном и здоровом состоянии, может надеяться на спасение в вечной жизни⁷⁶.

Как можно видеть, метафора тела играет исключительно важную роль в позднесредневековых произведениях разных жанров — от поэтических до политико-философских. Согласно утверждению британского антрополога Мэри Дуглас, тело выступает базовым инструментом для метафорических схем осмысления действительности⁷⁷. Микро- и макрокосм — одна из базовых бинарных оппозиций, берущая начало в индоевропейской мифологической картине мира, находит своё отражение сначала в народной европейской поэзии, в мифах и фольклоре, а затем обнаруживается и в христианской литературе, где в качестве Первочеловека фигурирует уже Адам. Идея микрокосма — человеческого тела, вобравшего в себя все элементы окружающего мира, — через досократиков, Платона и Ветхий Завет получает развитие у раннехристианских авторов:

⁷³ «The toes of þe mennys feet, / þo y likne to trewe hyne / þat trauayle boþe in drye and weet, / In þurst, in hungere, and in pyne, / In het, in cold, in snow and slet . . . ». The Descryvng of Mannes. 1904: 66.

⁷⁴ «ȝif seruant þe maystere refuse, / þe seruant luyng sone were gon. / And maystres, þouȝþey ben wyse, / Wip-out seruant luye not alon». The Descryvng of Mannes. 1904: 68.

⁷⁵ «While all þys lymes arn wel at on, / þe body, in good plyt it stondes». The Descryvng of Mannes. 1904: 68.

⁷⁶ The Descryvng of Mannes. 1904: 69.

⁷⁷ См.: Дуглас: 2000: 173.

Климента Александрийского, Григория Нисского, Аврелия Августина, Григория Великого и др. Одной из вариаций микрокосма, популярной в XIII — XVI вв., станет *homo signorum*, зодиакальный человек, визуальный образ, отражавший веру в то, что звёзды и планеты имеют влияние на процессы в человеческом организме. Образ Адама как Первочеловека тоже будет связан с макрокосмом, который изображает Вселенную как человеческое тело (поэма XIV в. «Правитель мира», *Cursor mundi*). В трактатах Жана Жерсона и Николя Орема человек-микрокосм и зодиакальный человек вбирают в себя все свойства тварной Вселенной, которая, в свою очередь, оказывает влияние на жизнь отдельных людей. Антитеза микрокосма и макрокосма символизировала тесную связь между человеком, материальным миром и тем, что лежит за их пределами (Вселенной, Божеством). Таким образом, тело человека освящалось свыше. Сопоставляя себя с телом Вселенной, человек уподобляется Богу, вбирающему в себя космос. Также в рассматриваемый период для многих авторов основой для конструирования политико-правового учения о государстве становится метафора политического тела, которая часто выступала как идеал, образец правильного государственного устройства. При отсутствии современных понятий «общества», «государства», «политического устройства» она является удобным инструментом интерпретации социополитических реалий, посредством которого можно было описывать и осмысливать сложные для понимания социальные феномены. Благодаря метафоре описывается весь многоступенчатый государственный аппарат и социальная иерархия, от монарха до земледельца: в политическом теле из трактата Филиппа де Мезьера, зеркала «Совета королям» и поэмы «Описание частей тела человека» обретают своё место сенешали и прево, третье сословие разделяется на купцов и крестьян, приобретая таким образом многослойное устройство. Метафора тела, выступая ключевым инструментом осмысления объектов и явлений внешнего мира, становится в Средние века одновременно фреймом и для описания, и для интерпретации новых социальных категорий.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Абеляр П. Диалог между Философом, Иудеем и Христианином
 Абеляр П. Теологические трактаты / пер. с лат. С.С. Неретиной. М., 1995. С. 331 — 411.

- Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.
- Блаженный Августин*. Творения. СПб., 1998. Т. 3: О Граде Божием. Книги I — XIII.
- Бонавентура*. Путеводитель души к Богу. М., 1993.
- Григорий Нисский*. Творения. Ч. 1. Об устройении человека. М., 1861.
- Иоанн Златоуст*. Полное собрание сочинений в 12-ти тт. Т. 2. Кн. 1. М., 1991.
- Ириней*. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Св. Ириней Лионский; пер. прот. П. Преображенского, Н.И. Сагарды. СПб., 2008.
- Климент Александрийский*. Извлечения из произведений Теодота и так называемой восточной школы времён Валентина / пер. Е.В. Афонасина. // Школа Валентина: Фрагменты и свидетельства. СПб., 2002. С. 172 — 219.
- Корнелий Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии // *Корнелий Тацит*. Сочинения в 2 тт. Т. 1. Анналы. Малые произведения / пер. А.С. Бобовича. Л., 1969. С. 353 — 373.
- Ригведа. Мандалы IX — X / подг. изд. Т.Я. Елизаренкова. М., 1999.
- Филон Александрийский*. О смешении языков / пер. и комм. О.Л. Левинской // Толкования Ветхого Завета. / вступ. ст. Е.Д. Матусовой, пер. и комм. А.В. Вдовиченко, М.Г. и В.Е. Витковских, О.Л. Левинской, И.А. Макарова, А.В. Рубана. М., 2000. С. 339 — 354.
- Christine de Pisan*. Livre du corps de policie / ed. Angus J. Kennedy. P., 1998.
- Cursor mundi / ed. Richard Morris. L., 1874.
- Gersonii J.* Definitiones terminorum ad theologiam // Joannis Gersonii doctoris theologi et cancellarii Parisiensis Opera omnia, novo ordine digesta, et in V. tomos distributa / Ed. Louis Ellies Du Pin. Editio secunda. T. III. Hagæ Comitum, 1728. Col. 209 — 224.
- Gregorius I Magnus*. Moraliū Libri Sive Expositio In Librum Beati Job. Pars I // Patrologiæ Latinae cursus completus / ed. J.-P. Migne. Vol. 75. P., 1849.
- Lepot J.* Un miroir enluminé du milieu du XIVE siècle: l'Avis aus roys: thèse de doctorat / Sous la direction de Jean-Patrice Boudet: thèse de doctorat. 2 t. Université d'Orléans, 2014. T. 2.
- Nicole Oresme's De visione stellarum (On Seeing the Stars). Leiden; Boston, 2007.
- Philippe de Mézières*. Songe du Vieil Pelerin. 2 vol. / éd. G.W. Coopland. L.; Cambridge, 1969. Vol. I.
- The Descryvung of Mannes Membres // Twenty-six political and other poems (including «Petty Job») from the Oxford mss. Digby 102 and Douce 322 / Ed., with introduction and glossarial index, by D.J. Kail. Part I. L., 1904. P. 64 — 69.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.
- Бычков В.В.* Aesthetica patrum. Эстетика Отцов Церкви. Апологеты. Блаженный Августин. М., 1995.

- 2021a — *Бычков П.С.* Аллегория vs метафора: осмысление Французского королевства в XIV — XV вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). Когнитивные науки и историческое познание. Религиозный фактор в международных отношениях. URL: <https://history.jes.su/s207987840016467-2-1/> (дата обращения: 16.10.2023)
- 2021b — *Бычков П.С.* Метафора тела как способ описания социального в «Книге политического тела» Кристины Пизанской. // Одиссей. Человек в истории. Вып. 29. Социальные категории и их интерпретация на языке метафор. М., 2021. С. 35 — 50.
- Бычков П.С.* Концепт политического тела во французском политико-философском дискурсе XIV в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. Ч. 2. С. 200 — 231.
- Воскобойников О.С.* Тысячелетнее царство (300 — 1300). Очерк христианской культуры Запада. М., 2014.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Дуглас М.* Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000.
- Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
- Дюби Ж.* Трёхчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. М., 2000.
- Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII — XIII веках. СПб., 1997.
- Карсавин Л.П.* Символизм мышления и идея миропорядка в Средние века // Научный исторический журнал. СПб. 1913. Т. 1. Вып. 2. № 2. С. 10 — 28.
- Ле Гофф Ж., Трюон Н.* История тела в Средние века / пер. с фр. Е. Лебедевой. М., 2016.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Мелетинский Е.М.* Имир // Мифы народов мира. М., 1980. Т. I. С. 510.
- Рабинович В.Л.* Алхимия. СПб., 2012.
- Топоров В.Н.* Первочеловек // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 300 — 302.
- Франк-Каменецкий И.Г.* Адам и Пуруша. Макрокосм и микрокосм в иудейской и индийской космогонии // Памяти академика Н.Я. Марра (1864 — 1934). М.; Л., 1938. С. 458 — 476.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб., 1994.
- Шишков А.В.* На плечах гигантов. Очерки интеллектуальной культуры западноевропейского Средневековья: V — XIV вв. М., 2016.
- Штожмар В.В.* История Англии в Средние века СПб., 2005.
- Эко У.* Искусство и красота в средневековой эстетике / пер. А. Шурбелева. М., 2014.
- Эко У.* История красоты / под ред. Умберто Эко; пер. А.А. Сабашниковой. М., 2010.
- Элиаде М.* История веры и религиозных идей. М., 2001. Т. I.
- Эрихтammer А.* Zum Hermaphroditen in der Sinnbildkunst der Alchemisten // Die Alchemie in der europäischen Kultur- und Wissenschaftsgeschichte. Wolfenbütteler Forschungen. Wiesbaden, 1986. S. 179 — 200.
- Camille M.* The king's new bodies: an illustrated mirror for princes in the Morgan Library // Künstlerischer Austausch, Akten des XXVIII. Internationalen Kongresses für Kunstgeschichte, Berlin, 15 — 20 Juli 1992 / éd. Thomas W. Gaehtgens. B., 1993. P. 393 — 405.

- Clark C.* The Zodiac Man in Medieval Astrology // Journal of Rocky Mountain Association. 1982. No. 3. P. 15 — 16.
- Conger G.P.* Theories of Macrocosms and Microcosms in the History of Philosophy. N. Y., 1922.
- Finckh R.* Minor mundus homo: Studien zur Mikrokosmos-Idee in der mittelalterlichen Literatur. Göttingen, 1999.
- Franck A.* La Kabbale ou La Philosophie Religieuse des Hébreux. P., 1843.
- From Athens to Chartres: Neoplatonism and Medieval Thought. Studies in Honour of Edouard Jeuneau. Leiden; N. Y.; Köln, 1992.
- Jorga N.* Philippe de Mézières (1327 — 1405) et la croisade au XIVe siècle. P., 1896.
- Jouanna J.* The Legacy of the Hippocratic Treatise The Nature of Man: The Theory of the Four Humours // Jouanna J. Greek Medicine from Hippocrates to Galen. Leiden, 2012. P. 335 — 359. (Studies in Ancient Medicine, Vol. 40).
- Kail J.* Introduction // Twenty-six political and other poems (including «Petty Job») from the Oxford mss. Digby 102 and Douce 322. L., 1904. P. vii — xxiii.
- Kalachanis K., Michailidis J.* The Hippocratic View on Humors and Human Temperament // European Journal of Social Behaviour. 2015. Vol. 2. Iss. 2. P. 1 — 5.
- Lubac H.* Corpus mysticum. L'Eucharistie et Église au moyen âge. P., 1949.
- Naegle G.* Resveillier ceux qui dorment en pechié: Philippe de Mézières et la tradition des miroirs du prince // Le Moyen Age. 2010. Iss. 3 — 4. P. 625 — 643.
- Nederman C.J.* True J. The third sex: the idea of the hermaphrodite in twelfth-century Europe. // Journal of the History of Sexuality. 1996. Vol. 6. No. 4. P. 497 — 517
- O'Brien S.* Dioscuric Elements in Celtic and Germanic Mythology // Journal of Indo-European Studies. 1982. Vol. 10. P. 117 — 136.
- Quispel G.* Der gnostische Anthropos und die jüdische Tradition // Eranos Jahrbuch. 1953. Band XXII. S. 195 — 234.
- Ruska J.* Tabula Smaragdina. Ein Beitrag zur Geschichte der Hermetischen Literatur. Heidelberg, 1926.
- Saxl F.* Macrocosm and Microcosm in Mediaeval Picture // Saxl F. Lectures. L., 1957. Vol. I. P. 58 — 72.
- Sherman C.R.* Imaging Aristotle: Verbal and Visual Representation in Fourteenth-Century France. Berkeley, 1995.
- Struve T.* Staat und Gesellschaft im Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze. B., 2004.
- Tester S.J.* A History of Western Astrology. Woodbridge, 1987.
- The Southern Version of Cursor Mundi. Vol. I / Ed. Sarah M. Horrall. Ottawa, 1978.
- Ward D.* The Divine Twins: An Indo-European Myth in Germanic Tradition. L., 1968.
- Weill-Parot N.* Les «images astrologiques» au Moyen Âge et à la Renaissance: Spéculations intellectuelles et pratiques magiques (XIIe — XVe siècle). P., 2002.
- Willard C.C.* Christine de Pizan: the astrologer's daughter // Mélanges à la mémoire de Franco Simone / éd. J. Beck et Gianni Mombello. Genève, 1980. T. 1. P. 95 — 111.

ОБ АВТОРАХ

Брахман Анастасия Александровна — PhD., специалист по раннесредневековой политической истории, политической коммуникации Оттоновского времени.

Омельченко Дарья Михайловна — к.и.н., научный сотрудник Лаборатории комплексного исследования рукописных памятников Санкт-Петербургского института истории РАН. Сфера интересов: поздняя Античность, история христианства, Южная Галлия.

Шокарев Сергей Юрьевич — к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ РАНХиГС, специалист по истории России Нового времени.

Мельник Александр Гаврилович — д.и.н., зав. Архитектурным отделом ГМЗ «Ростовский кремль», специалист по древнерусской истории и культам святых.

Евстратов Антон Геннадьевич — к.и.н., доцент кафедры Всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско — Армянского университета (Ереван, Армения), специалист по религиозным, идеологическим и политическим процессам на Ближнем Востоке, автор учебного пособия по политическому исламу, журналист - международник.

Майзульс Михаил Романович — к.и.н., старший научный сотрудник Центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ.

Келлер Андрей Викторович — д.и.н., PhD., с.н.с. Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, специалист по Новой и Новейшей истории, истории педагогики.

Бычков Павел Сергеевич — м.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по

культуре Франции, Англии и Нидерландов XIV — XVI вв.

Пименова Людмила Александровна — к.и.н., доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, сфера научных интересов: история Франции раннего Нового времени.

Болдырева Наталья Андреевна — к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по английскому антикварному знанию XVI — начала XVII вв., англо-русским культурным связям XVI — XVII вв.

Левинсон Кирилл Алексеевич — к.и.н., PhD. Сфера научных интересов: социальная история науки и образования в Новое и Новейшее время.

Герштейн Анна Борисовна — к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории репрезентации власти и символической коммуникации в Средние века, феномену монархического самозванчества в средневековой Европе.

Луцицкая Светлана Игоревна — д.и.н., в.н.с., зав. Центра исторической антропологии ИВИ РАН, специалист по истории крестовых походов и христианских представлений об исламе.

Окунева Ольга Владимировна — к.и.н., PhD., специалист по истории Франции Нового времени, французским колониям в Южной Америке.

Ганина Наталия Александровна — д.филол.н., профессор кафедры германской и кельтской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова, специалист по истории немецкого языка, истории и культуре древних германцев, средневековой латинской и немецкой палеографии.

Уваров Павел Юрьевич — член-корр. РАН, д.и.н., зав. Отделом западноевропейского Средневековья ИВИ РАН, специалист в области западноевропейской истории Средних веков и раннего Нового времени, истории Франции, истории университетов, социальной истории Европы.

Яцьк Светлана Александровна — к.и.н., научный сотрудник Центра истории, археологии и литературы христианских и мусульманских миров средневековья (СНАМ) Национального центра научных исследований (CNRS), главный редактор журнала «*Vox medii aevi*», специалист в области интеллектуальной истории францисканского ордена, истории проповедей и автоматической транскрипции рукописей.

ABSTRACTS

A.A. Brahman

ANTAPODOSIS BY LIUTPRAND OF CREMONA, OR HOW TO GET A JOB AT THE SAXON COURT IN THE 10TH CENTURY

The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recreating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job». The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recreating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job». The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recre-

ating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job».

Keywords: Liutprand of Cremona, medieval historiography, self-representation, Xth century, intellectuals at the court

D.M. Omelchenko

«THE PATIENCE WITH WHICH RELICS SHOULD BE APPROPRIATED»: ABOUT SOME STORIES IN THE HISTORY OF THE CULT OF ST. CAESARIUS OF ARLES

This article systematises the evidence from various sources on the cult of St Cesarius, bishop of Arles (502-543). During the late Antiquity he was one of the main figures in the Church of Southern Gaul. Cesarius' cult had the potential to extend beyond Provence: the bishop was known as a wonder-worker not only in Arles, his sermons were popular in various parts of Europe, his status as the first papal vicar in Gaul could become an argument in foreign policy for Frankish kings and the papacy. For the first time in the West, Caesarius developed a Rule specifically for the ascetic community of women («The Rule for Virgins») and may have laid the foundations of the normative tradition of medieval female monasticism. However, the potential opportunities were never realized, and the cult of Caesarius remained local. Among the reasons are the following: the inconsistency of the bishop with the hagiographic model that prevailed in late Antiquity, the unacceptability for the Merovingians of his position in relation to the Arian kings, the burial of the saint away from the tombs of the martyrs, the peripheral status of Provence in the vast Frankish state. At the turn of the 20th-21st centuries, an unexpected surge of interest in the bishop's relics was caused by the restoration of his funeral vestments. The natural science methods used in the study of sacred objects made it possible to make

important observations in the field of material culture. Several museum exhibitions outlined the range of objects associated with the name of the bishop, archival work made it possible to clarify its history. These events have become a kind of «appropriation of relics» by Caesarius of Arles by means of the age of high technology. As a result, the bishop is now perhaps a more famous person than during the 1500 years that have passed since his death.

Keywords: Caesarius of Arles, relics, reliquaries, Southern Gaul, late Antiquity, cult of saints, natural science methods.

S. Yu. Shokarev

**«HIS DONATIONS ARE ICONS, BOOKS, AND MONEY...
AND EVERYTHING CANNOT BE ENUMERATED»:
THE VOLUME AND DYNAMICS OF IVAN THE TERRIBLE'S
MONETARY DONATIONS TO MONASTERIES**

The article is devoted to the analysis of Ivan the Terrible's donations to monasteries. The paper undertakes an assessment of the volume of donations to 10 monasteries in order to establish the dynamics and peculiarities of the tsar's patronage activities. It is revealed that Ivan the Terrible gave very large amounts of donations to the Trinity-Sergiev, Kirillo-Belozersky and Joseph-Volokolamsky monasteries (tens of thousands of rubles each), but donated less to other monasteries. The amounts of donations show that Ivan the Terrible adhered to a certain hierarchy of monasteries and gave different amounts of donations for the commemoration of divers members of his family. The number and volume of donations increased throughout Ivan the Terrible's reign, but the death of Tsarevich Ivan Ivanovich caused a rapid growth of donations for the soul of the heir to the throne himself and for the souls of the disgraced executed by Ivan the Terrible.

Keywords: Ivan the Terrible, History of the Russian Orthodox Church, monasteries, donations, church charity, Tsarevich Ivan Ivanovich, Trinity - Sergiev Monastery, Kirillo - Belozersky Monastery, Joseph - Volokolamsky Monastery, Solovetsky Monastery.

A.G. Melnik

A TOMB OF A SAINT IN THE SPACE OF A RUSSIAN TEMPLE OF THE 17TH CENTURY

The article is devoted to a comprehensive analysis of 49 tombstone complexes of Russian saints based on inventories of churches and monasteries, as well as certain scribe books. The main purpose is to reveal the main traditions or objective laws in the formation of these complexes, including the choice of their location in the space of a temple of the 17th century.

Keywords: burial place, relics, tombstone complex, temple, 17th century

A.G. Evstratov

LIFE OF SHI'I PILGRIMS IN NAJAF AND KARBALA IN THE 19TH CENTURY

The only pilgrimage as a «pillar of Islam» prescribed for every Muslim is the Hajj to Mecca and Medina, but adherents of this religion make «pious journeys» to other places. Sunni Muslims recognize holy cities that contain desirable sites to visit (for example, Jerusalem, considered the «third holy city», and the Al-Aqsa Mosque located there), however, these pilgrimages are not obligatory, but recommendatory. Shiite pilgrimages to the land of Iraq — primarily to Najaf and Karbala, on the contrary, have a status very close to mandatory. The first and third Shiite Imams, Ali and Hussein, are buried in these cities, respectively, in Najaf from the 18th-19th centuries. The main center of Shiite scholarship has been formed, and therefore the views and thoughts of millions of Shiite believers are directed here. At the same time, the Shiite pilgrimage, like the Hajj, is not only a purely religious action, but also a social one. People who visit holy places receive the nicknames «Karbelaï», «Najafi» (as well as «Mashhadi» — after visiting another center of pilgrimage - the Iranian Mashhad) and enjoy special respect from their coreligionists. In this study, we will look at the life of

pilgrims to the Shiite shrines of Iraq (the territory of which was called «Turkish Arabia», or «atabat») in the 19th century, because it was at that time that the traditional realities of the Muslim world in general and its Shiite part began to change rapidly. These changes are associated with a unique political situation (on the one hand, the presence of Shiite shrines on the territory of the Sunni Ottoman Empire, and on the other, the orientation of the local Shiite population towards Iran ruled by the Qajar dynasty, both states having a semi-colonial status), and with the rapid development of science and technology, and with a very peculiar ideological situation. Both Iran and the Ottoman Empire underwent secular reforms in the 19th century, and many significant Shia communities lived in territories belonging to the non-Muslim states of Russia and Great Britain.

Keywords: shia, islam, ziarat, Ashura, Kerbela, Najaf, Imam Ali, Imam Husain

M.R. Maizuls

ANTICHRIST IN BETHLEHEM? FROM VAN DER VEIDEN TO BOSCH

In the altarpieces created in the Netherlands in the second half of the 15th and in the beginning of the 16th centuries, the *Adoration of the Magi* often served as the main subject. However, in Hieronymus Bosch's triptych, which is kept in the Prado Museum, it includes many iconographic "anomalies". They arouse the suspicion that there is a "double bottom" hidden in this image. The main clue to its interpretation is the appearance of an ominous character in a red cloak standing at the door of the manger. There are many versions of who this is. The most convincing of them postulates that Bosch introduced into the scene of the Epiphany the figure of the Jewish Messiah — Antichrist himself. He is not to be found in any of the earlier depictions of the *Adoration*. Nevertheless, we can trace the visual genealogy of this character. This article shows that the group consisting of the Antichrist and of his companions is derived from the group of men standing in the stable doorway in Rogier van der Weyden's *Triptych of St. Columba*. Bosch introduces the antagonist of the Savior into the joyous scene of the Epiphany and creates one of the most powerful and ominous images of

enmity surrounding Jesus. This visual interpretation was unusual, but not unique at the time. In late medieval depictions of the birth and infancy of Christ, we find a certain number of characters that incarnated (Jewish) unbelief. The author analyzes how Bosch constructs his characters and introduces into the image a series of ambivalent details that relate them to each other but make unambiguous identification problematic if impossible.

Keywords: Hieronymus Bosch, Rogier van der Weyden, Adoration of magi, iconography, eschatology, Antichrist, Church and Synagogue, enmity, color symbolism, visual ambiguity.

A. V. Keller

THE TABLE OF NATIONS IN THE CONTEXT OF CULTURAL STEREOTYPES ABOUT RUSSIANS AND GERMANS OF THE 17th — 19th CENTURIES

The article considers the regional identification of Russia in the European family of peoples with reference to The Table of Nations in the context of the mutual perception of Russians and Germans over a long time. The study is based on the theoretical principles of cognitive history, historical anthropology, and imagology. The methodology of the comparative approach involves internal and external perspectives, as well as two types of stereotypes: as a rule, more positive auto-stereotypes, or self-images, and hetero-stereotypes, or external images. The Styrian Table of Nations (Styrian Völkertafel) published in the Appendix is an exception in this case, since in addition to positive characteristics, the self-description of German-speaking authors contains negative characteristics. The Styrian Völkertafel as a historical source of "grassroots" culture found at the level of the Russian popular print makes it possible analyze ideas and stereotypes about the northern neighbor in two aspects, i.e. visual, with the possibility of turning the visual into the verbal, and textual. The article contains the first ever published translation of the Styrian Völkertafel into Russian.

Keywords: Styrian Table of Nations (Steirische Völkertafel), engraving of Friedrich Leopold, Russians, Germans, Europeans, cultural stereotypes, national images.

P.S. Bychkov

**BODY POLITIC, MICROCOSMOS AND ZODIAC MAN:
BODY METAPHORS IN ENGLISH AND FRENCH
RELIGIO-PHILOSOPHICAL AND POLITICAL
DISCOURSE OF 14TH — 15TH CC**

One of the most popular concepts during the Antiquity and Middle Ages was the metaphor of the body which manifested the ideas of unity and coexistence in harmony of various parts of the whole. It was closely tied up with the mythological imagery of protoplast on one hand and with the conceptualization of social unity on the other, for example, with the concept of Church as the mystical body of Christ. Microcosm was one of the embodiments of this image representing the idea of the indissoluble existence of the individual, his body and the rest of the world — this concept continued to be reproduced in the religious/philosophical texts of 14th — 15th cc. From this doctrine of microcosm also arose the Medieval medical theory of humors, fluids of human body, associated with four elements, at the meantime »zodiac man” was the equivalent of microcosm in Medieval astrology, visual representation of a belief in the impact of celestial bodies on the health and mental qualities of people. Finally, the metaphor of the body politic clearly demonstrated the unity of different estates in a single body of the state, it can be considered one of the first forms of reflection on society and politics in the 14th — 15th centuries.

Keywords: body politic, microcosm, zodiac man, astrology, humors, Jean Gerson, Nicolas Oresme, Philippe de Mézières, Christine de Pizan

L.A. Pimenova

**«ART OF THE WORD»: PROTESTANTS IN THE
OFFICIAL DISCOURSE OF THE FRENCH MONARCHY
OF THE 17TH-18TH CENTURIES**

The article investigates how during the period from the end of the Wars of Religion to the Revolution of the 18th century in France the

official terminology used to name the Calvinist minority was appeared and changed. Behind the choice of the word was the image that the authorities impressed upon their subjects. As sources, were used royal edicts and declarations, ministerial papers, documents of the Parlement of Paris and of the clergy assembly, as well as treatises, dictionaries and encyclopedias of the 17th-18th centuries. For many years, the official designation of the French Calvinists in all legislative acts was the cumbersome expression «adherents of the so-called reformed religion» which implied a resolute denial of the name of «reformed religion» used by the Calvinists themselves. With the publication of the Edict of Fontainebleau (1685) by Louis XIV, the term «new converts» began to be used to name the Calvinists, indicating that now all the subjects of the king had converted to Catholicism. The term «Huguenots» in the 18th century ceased to be used while speaking about contemporary realities. The evolution of religious policy of the government was accompanied by a change in official terminology. In the second half of the 18th century, when the question of the need to grant civil rights to Calvinists was discussed, in administrative correspondence between the king, ministers and magistrates of the Parlement of Paris, they constantly called adherents of other religions by their proper names and talked about Protestants and Calvinists. But in the text of the royal edict they were called «those who do not profess the Catholic religion». The terms «Protestant» and «Calvinist» were avoided by the authors of official documents, thereby emphasizing that there was only one recognized religion in the kingdom.

Keywords: 18th century, dictionaries, discourse, legislative acts, public space, Reformation

N.A. Boldyreva

**REFLECTION OF THE ANTIQUARIAN METHOD OF
«OLD CURIOS PERSON» WILLIAM CAMDEN IN THE
CHURCH SLAVONIC TRANSLATION OF
«BRITAINNIA»**

The article analyses the interpretation of particularities of the antiquarian method that was very popular among the European researchers of the 16th century in the Church Slavonic translation of W. Camden's

"Britannia". Created by the English antiquary this treatise was included in the fourth volume of the most famous world geographical atlas - the "New Atlas" of Blaeu. This volume was translated very accurately into Church Slavonic by Isaiah, the Little Russian scribe of the Chudov Monastery in the 1650s-1661 upon the orders of Patriarch Nikon.

The examples of archaeology, numismatics and epigraphies were examined. These auxiliary disciplines were just beginning to form in Europe in the late 16th - early 17th centuries. For the Russian state of the same period, it is not necessary to talk about a similar level of development of these areas of historical thought, so Isaiah acted as a pioneer, interpreting, for example, information about ancient coins, archaeological finds, that is, artefacts.

Keywords: antiquarian method, artifacts, numismatics, epigraphies, Camden, «Britannia», atlas, Blaeu, interpretation, Isaiah, «Vri-tannia»

K.A. Levinson

**«HOW LIVED, WHOM LOVED, WHOM DIDN'T SHAKE
A HAND WITH»: ON THE QUESTION OF ETHICAL
ASSESSMENTS OF STUDENTS' BEHAVIOR ON THE
FACULTY OF HISTORY OF THE LOMONOSOV
MOSCOW STATE UNIVERSITY IN THE EARLY 1940ES**

In the article on the material of memoirs of graduates of the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University the specific ethos characteristic of this subculture in the second half of the 1930s and the first half of the 1940s is considered. The author describes this ethos as complex, including academic ethos, political (or civil) ethos, and ethos of interpersonal relations. The analysis of sources shows that often these three elements were not separated in students'ethical perceptions and discourse. This syncretism of ethos brings them closer to the pre-revolutionary liberal Russian intelligentsia, although the political orientation of these two groups was different.

Keywords: university history, history faculty, Moscow State University, university ethos, history of Soviet academia.

A. B. Gerstein

THE CHAPTER «HOLY LAND» IN THE *ATLAS, OR COSMOGRAPHIC MEDITATIONS UPON THE STRUCTURE OF THE UNIVERSE AND THE FORM OF THE CREATED* BY G. MERCATOR — J. HONDIUS

The article reconstructs some of the scientific methods used by early modern geographers in composing so-called «Theatres of the World», that is descriptions of the different regions and countries of the world supplemented with maps. How these texts were composed? What sources were considered as texts of authority? Could the historical context influence the content, choice of words and names, characteristics of peoples and kings? The author seeks answers to these questions in the chapter «Holy Land» of the *Atlas, or Cosmographic Meditations upon the Structure of the Universe and the Form of the Created* by G. Mercator — J. Hondius. This paper is the first publication of the translation into Russian the chapter «Holy Land».

Keywords: *Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura*, G. Mercator, J. Hondius, cartography, description of the world, Holy Land.

O. V. Okuneva

«FLORILEGIUM SCIENTIARUM» AND THE STUDY OF HISTORICAL HERBARIUM

(*Rev.*: The Herbarium of Robert Erskine, Archiater and Physician-in-Chief to Peter the Great / edited by A.K. Sytin and D.D. Slastunov. SPb, Lubavich, 2022, 375 p.)

The book under review is the first critical edition of the *Herbarium* belonged to Robert Areskin, a fellow-fighter of Peter the Great, his Physician-in-Chief and President of the Apothecary's Garden in Moscow. The Herbarium was created in 1709 and composed of plant species from the vicinity of Moscow. This is Russia's first botanical collection of western type. The present critical edition is a part of

the huge research project «From the Kunstkamera to Herbal Science. The Development of Botany in Russia in the First Half of the 18th Century» conducted by Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences with the financial support of Russian Foundation for Basic Research. It demonstrates how productive the joint effort of botanists, historians, historians of science, librarians, archivists and museum custodians can be. The contribution of web designers, database developers and specialists in digital image processing neither can be underestimated. The review emphasizes the success of this interdisciplinary team and congratulates the editors on the way they revealed Herbarium's scientific, historical and cultural value.

Keywords: Robert Areskine (Erskine), Herbarium, Kunstkamera, Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences, Library of the Russian Academy of Sciences

N.A. Ganina

IN MEMORIAM NIGEL F. PALMER

The article is dedicated to the memory of Nigel F. Palmer, a regular contributor to 'Odysseus', an outstanding scholar, Emeritus Professor of German Medieval and Linguistic Studies, Emeritus Fellow of St Edmund Hall (University of Oxford), FBA (1946 — 2022).

Keywords: history of the German language and literature, Medieval German, medieval manuscripts of German-speaking countries, history of book

S.A. Yatsyk

IN MEMORIAM E. LE ROY LADURIE

This article covers the life and academic contributions of Emmanuel Le Roy Ladurie, a prominent French historian known for his association with the Annales school and his role in pioneering micro-history. The author traces Ladurie's biography, starting with his early

years in Normandy and his youthful political engagement, and concludes with his achievements in the academic field. Particular focus is given to Ladurie's significant contributions in introducing quantitative methods to historical research. The article underscores Ladurie's versatility as a scholar who engaged with various historical aspects, from personal life of occitan peasants to global climate change. Furthermore, it explores his involvement in digital humanities and the application of computational technologies in historical scholarship and librarianship.

Keywords: Emmanuel Le Roy Ladurie, In Memoriam

**Одиссей.
Человек в истории**

ИСТОРИЯ НАУКИ
2023 №2 (31)

Главный редактор
А.О. Чубарьян

Ответственный редактор
А.Б. Герштейн

Художник
Б.А. Котляр

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*

Научное издание

Подписано к печати 21.10.2024

Печать офсетная. Гарнитура Таймс Нью Роман
Объем — 29.31 усл. печ. л. Тираж — 500 экз. (Первый завод — 130 экз.)
Зак. № 345

ИВИ РАН Ленинский пр. 32А